

Об онтологическом статусе феномена прошлого

Антипов Г. А.

*Доктор философских наук, профессор
Новосибирский государственный университет – «НИНХ»
(г. Новосибирск, Россия)*

УДК 101.2

Как и где существует прошлое, если оно, по представлениям многих, способно воздействовать на настоящее? Получается, оно существует реально и в тоже время не существует в этом же смысле.

Ключевые слова: бытие, настоящее, прошлое будущее, реальность.

About the ontological status of the phenomenon of the past

Antipov G. A.

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Novosibirsk state University – "NINH"
(Novosibirsk, Russia)*

And where there is a past, if, in the opinion of many that can influence the present? Turns out, it really exists and does not exist in the same sense.

Key words: Genesis, present, past, future, reality

Но память мой злой властелин
Всё будит минувшее вновь

Столетие занимались тем, что, по словам поэта, «выволакивали будущее». Доходило подчас до каких-то, подобных апокалиптическим, страстей и гекатомб человеческих жертв. Потом враз – крутой поворот. С тем же пылом взялись за прошлое. В чём же дело? А. говорят, всё просто: кто владеет прошлым, тот владеет будущим. И разъясняют: «важно, чтобы история писалась нами, потому что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее». Но позвольте, история – это всего лишь нарратив, рассказ о прошлом, так сказать, words, words, words. Хотелось бы, поэтому уточнить, если вы не шутите, где скрыт среди данных слов механизм «контроля», в чём заключён его энергетический потенциал воздействия на реальность настоящего? Значит и прошлое существует «реально»? К месту вспомнить Бл. Августина: «Но в чём состоит сущность первых двух времён: т.е. прошедшего и будущего, когда и прошедшего уже нет, и будущего ещё нет? А если настоящее остаётся действительным временем, при том только условии, что через него переходит будущее и прошедшее, то как мы можем приписать ему действительную сущность, основывая её на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение, переставая существовать... Теперь ясно становится для меня, что ни будущего ни прошедшего не существует и что не точно выражаться о временах прошлое, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего... Мерилом времени должна быть память. Далёкое прошлое – это далёкие воспоминания о прошлом».

Фишка в том, что человеческое бытие двумерно, или, можно сказать – человек пребывает в двух существенно разных реальностях: социальной («исторической») и природной. Во втором случае речь должна идти об объективной реальности, т. е. материи («объективной реальности, данной нам в ощущениях и существующей независимо от них»). Здесь человек – природное тело, наряду со всеми другими телами и описываемое в аспектах пространства, времени и движения как «форм существования материи». В первом же случае

человеческое бытие, его реальность представлена формами культуры. И их бытийный статус совершенно нелепо пытаться представить в поле естественнонаучной картины мира, как то присутствует у Маркса, у которого появились «социальная материя» и «материальное бытие». Первым кто догадался об особом рода объективности культурной формы был, конечно, Платон. Это его представление об эйдосах. У Августина прошлое, настоящее и будущее представляются и анализируются с точки зрения их смысловых форм, которыми располагает индивидуальный субъект, стационарированный «внутри» некоей культуры. С внешней позиции культура может быть представлена в виде ценностных, нормативных и институциональных структур. Поэтому онтологический статус прошлого – быть формой культурной памяти.

Существование и возникновения историографии в качестве одной из наук о культуре следует отличать от функционирования исторической (культурной) памяти, в том и другом случаях действуют механизмы разного рода. Историческая память есть производное мемориальной практики, а не теоретического познания только. Причём, следует обязательно подчеркнуть, формируется она в виде стихийно утверждающейся составляющей действия множества разнонаправленных волей и, отнюдь не только «историографов», но и писателей, поэтов, кинематографистов и т. п.